

«Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи»: издание

Карл Проффер намеревался издать сборник новых, написанных после выхода «Остановки в пустыне», или избранных стихотворений Бродского вскоре после переезда поэта в США. Однако Бродский не торопился с изданием. Основная причина промедления была творческая – «старые», то есть написанные до 1970 года вещи перестали интересовать автора, новых, как ему казалось в 1973 и 1974 годах, было еще недостаточно, чтобы составить книгу. Цикл коротких стихотворений «Часть речи», возникший в 1975–1976 годах, имел для него исключительное значение – опасения, что творческая потенция иссякнет вне среды родного языка, не подтвердились, и теперь можно было думать о книге. Название цикла должно было стать и названием книги. По поводу состава книги между поэтом и его другом-издателем велись дискуссии: Бродский по-настоящему хотел издания лишь новых (после 1971 года) стихов, но таким образом за пределами сборников оставались вещи высокого качества, написанные после составления «Остановки в пустыне» в России.

Эмигрировавший в США летом 1976 года автор этих строк был по рекомендации Бродского приглашен на работу в «Ардис», причем в качестве основного издательского проекта мне было предложено заняться подготовкой книги Бродского³⁹⁸. Мне пришло на ум соломоново решение – вместо одного издать тандемом два сборника. В первом стихи, написанные до отъезда из России, во втором – написанные на Западе. Предложение оказалось приемлемым для автора и для издателя. Разделение на две книги оказалось выгодным и с коммерческой точки зрения, так как цена двух отдельных книг в сумме могла быть назначена несколько выше, чем цена одной книги того же объема, притом что круг потенциальных покупателей оставался тем же. Я также предложил вынести на обложку первого сборника название одного из стихотворений, «Конец прекрасной эпохи», оно приобретало дополнительный иронический смысл на обложке книги с последними написанными на родине стихами. Бродский внес, однако, в этот план существенную поправку. Он принципиально не хотел начинать второй сборник стихотворением «1972 год», то есть проводить пограничную черту между стихами, написанными на родине и вне ее. Так же, как он отказывался признавать суд и ссылку особыми, судьбоносными событиями своей жизни, так и изгнание из страны, переселение в Америку считал он всего лишь «продолжением пространства». Если что-то качественно изменилось в его жизни и стихах, считал он, то это произошло на рубеже 1971 и 1972 годов, а не на пять месяцев позже. Позднее он говорил: «...1972 год был какой-то границей – по крайней мере государственной, Советского Союза... Но ни в коем случае не психологической границей, хотя в том году я и перебрался из одной империи в другую»³⁹⁹. «Одному тирану», «Похороны Бобо», «Набросок», «Письма римскому другу», «Песня невинности, она же опыта», «Сретенье», «Одиссей Телемаку» написаны в России зимой – весной 1972 года. На родине начаты «1972 год», «Бабочка» и «Классический балет есть замок красоты...».

отдаленно сходные фрагменты.

398 Бродский обсуждал со мной состав книг и некоторые незначительные стилистические моменты, но в основном моя роль была техническая – я набирал и корректировал. Только в одном случае он внес существенное изменение по моему предложению, в стихотворение «Осенний вечер в скромном городке...». Поэтому для меня было сюрпризом увидеть на субтитулах (страница «От автора») обеих книг: «Издание составили и подготовили Вл. Марамзин и Л. Лосев». Бродский попросил Проффера добавить эту строку уже после того, как я сдал работу.

При подготовке издания Бродский проявлял значительно больше интереса к «Части речи», чем к «Конец прекрасной эпохи». Он гордился названием книги и включенного в нее одноименного цикла. Мысль о том, что созданное человеком, его «часть речи», больше, чем человек как биологическая особь или социальная единица, была Бродскому очень дорога. То же название он дал позднее первому репрезентативному сборнику избранных стихов, вышедшему на родине (Часть речи. М.: Художественная литература, 1990).

Как и все сборники Бродского, за исключением «Новых стансов к Августе», «Часть речи» открывается рождественским стихотворением «24 декабря 1971 года». Завершающее стихотворение, «Декабрь во Флоренции», было добавлено, когда сборник был уже почти готов к печати. Между двумя «декабрями» есть отчетливая тематическая переключка. Толпа, которая «производит осаду прилавка» в начале ленинградского стихотворения, вспоминается как «осаждающая трамвайный угол» в конце флорентийского.

«Часть речи» отличается от остальных сборников Бродского тем, что отдельные стихотворения (16) составляют меньшинство. Основной объем – это четыре цикла («Письма римскому другу», «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», «Мексиканский дивертисмент» и «Часть речи» – в общей сложности 56 стихотворений), а также такие близкие по структуре к циклам стихотворения, как «Похороны Бобо» (в четырех частях) и диптих «Песня невинности, она же опыта» (две части по три стихотворения в каждой), и, наконец, поэма «Колыбельная Трескового мыса» (Бродский называл ее «стихотворением», но, видимо, в общем значении этого слова, как стиховой текст). Строго говоря, жанровые различия между «Колыбельной», с ее исключительно лирическим сюжетом, и циклами стерты, но это не меняет общей картины: в период между 1972 и 1977 годами поэт тяготел к созданию серий стилистически сходных и в какой-то степени сюжетно связанных лирических текстов.

По желанию автора на однотипные обложки «Конец прекрасной эпохи» и «Части речи» были помещены изображения крылатых львов – с Банковского моста в Ленинграде на первую книгу и венецианского льва Святого Марка на вторую. По бедности «Ардис» не мог заказать обложки хорошему профессиональному художнику, и львы на серо-голубом фоне выглядят малопривлекательно.

Критических отзывов на новые книги Бродского было немного. На родине он, как и многие из лучших писателей, был исключен из культурного процесса полицейским режимом. Зарубежная русская читательская аудитория была невелика, а литературная критика едва существовала. Вопреки нормальному ходу вещей Бродский как поэт на своем родном языке раньше стал достоянием филологии, чем критики. О нем писались литературоведческие диссертации, статьи и делались доклады, но лишь за выходом «Остановки в пустыне» последовала оживленная критическая дискуссия в эмигрантской прессе.

На «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи» с рецензией выступила только парижская «Русская мысль». Александр Бахрах, один из последних представителей «парижской ноты», поэт и критик, в молодости отмеченный Цветаевой, в целом высоко оценивал плоды нового этапа поэтической работы Бродского: «В этих новых его сборниках еще отчетливее, еще выпуклее отражается его поэтическое лицо, его прихотливый „почерк“, его своеобразие. И не о себе [ли] самом он думал в этих двух строках: „Все люди друг на друга непохожи, / но он был непохож на всех других“? [...] Бродский тяготеет к большой форме, которой он еще не вполне овладел, и потому некоторые его более длинные стихотворения могут показаться растянутыми. <...> Отталкиваясь от привычных шаблонов, он хотел бы прийти к новой гармонии. Но при этом Бродский отнюдь не нигилист, который во имя мятежа хотел бы рвать с прошлым»⁴⁰⁰. Остальные отклики в печати принадлежали англо-американским славистам. Все рецензенты сравнивали «Часть речи» и «Конец прекрасной эпохи». Байрон Линдси писал: «"Часть речи"... <...> ярче, изменчивее и труднее. <...> В американском изгнании Бродский стал более замкнутым, труднодоступным и, вероятно, философски более

смелым»⁴⁰¹. Подробно разобрал обе книги, в особенности вторую, Генри Гиффорд. Отмечая, что мотив изгнания в «Части речи» предстает прежде всего как мотив изгнания из родного языка, Гиффорд писал: «Чего бы ни боялся Бродский, он все еще с чудесной свободой владеет языком. В то же время он начинает извлекать пользу и из своего изгнанничества, расширяя горизонты и отыскивая новые привязанности». Рецензент заключает: «Наше время иронически характеризуется тем, что, возможно, лучшие стихи, пишущиеся сейчас в Америке, пишет этот русский»⁴⁰².